

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности части 1 статьи 12.24, пункта 7 части 1 статьи 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и части третьей статьи 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского районного суда Ивановской области

город Санкт-Петербург

14 ноября 2025 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Л.М.Жарковой, К.Б.Калиновского, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, А.В.Коновалова, М.Б.Лобова, В.А.Сивицкого, Е.В.Тарибо,

руководствуясь статьей 125 (пункт «б» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3¹ части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 101, 102 и 104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части 1 статьи 12.24, пункта 7 части 1 статьи 24.5 КоАП Российской Федерации и части третьей статьи 264 УК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явился запрос Ивановского районного суда Ивановской области. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С.Д.Князева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Ивановский районный суд Ивановской области оспаривает конституционность следующих законоположений:

части 1 статьи 12.24 КоАП Российской Федерации, согласно которой нарушение Правил дорожного движения или правил эксплуатации транспортного средства, повлекшее причинение легкого вреда здоровью потерпевшего, влечет наложение административного штрафа в размере от трех тысяч семисот пятидесяти до семи тысяч пятисот рублей или лишение права управления транспортными средствами на срок от одного года до полутора лет;

пункта 7 части 1 статьи 24.5 того же Кодекса, предусматривающего, что производство по делу об административном правонарушении не может быть начато, а начатое производство подлежит прекращению при наличии по одному и тому же факту совершения противоправных действий (бездействия) лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, постановления о назначении административного наказания, либо постановления о прекращении производства по делу об административном правонарушении, предусмотренном той же статьей или той же частью статьи данного Кодекса или закона субъекта Российской Федерации, либо постановления о возбуждении уголовного дела;

части третьей статьи 264 УК Российской Федерации, в соответствии с которой нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть человека, наказывается принудительными работами на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

1.1. Как следует из представленных материалов, 19 февраля 2024 года гражданин И., управляя автобусом, в нарушение Правил дорожного движения Российской Федерации (утверждены Постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 года № 1090), в частности их пункта 9.10, обязывающего водителя соблюдать такую дистанцию до движущегося впереди транспортного средства, которая позволила бы избежать столкновения, а также необходимый боковой интервал, обеспечивающий безопасность движения, выехал на полосу встречного движения, где совершил столкновение с легковым автомобилем гражданина М., от чего этот автомобиль, в свою очередь, столкнулся с другим транспортным средством – под управлением гражданина С. В результате С. причинен вред здоровью, а М. от полученных травм скончался.

Постановлением мирового судьи от 10 февраля 2025 года И. признан виновным в причинении С. легкого вреда здоровью в результате нарушения Правил дорожного движения, т.е. в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 12.24 КоАП Российской Федерации, с назначением ему административного наказания в виде лишения права управления транспортными средствами на срок один год. Названное постановление было обжаловано И. в Ивановский районный суд Ивановской области. Определением Ивановского районного суда Ивановской области от 10 апреля 2025 года производство по делу приостановлено в связи с направлением запроса в Конституционный Суд Российской Федерации.

В запросе Ивановского районного суда Ивановской области подчеркивается, что по факту указанного дорожно-транспортного происшествия 14 августа 2024 года возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного частью третьей статьи 264 УК Российской Федерации, а 24 марта 2025 года водитель И. привлечен по данному уголовному делу в качестве обвиняемого в связи с тем, что в результате нарушения им пункта 9.10 Правил дорожного движения М. были причинены телесные повреждения, повлекшие смерть. Исходя из этого заявитель полагает, что по рассматриваемому им делу об административном правонарушении, равно как и по уголовному делу, И. вменяется нарушение одного и того же пункта 9.10 Правил дорожного движения, совершенное в одно и то же время, но с разницей в наступивших последствиях. Тем самым, как он считает, оспариваемые нормы вступают в противоречие с конституционным принципом *non bis in idem*, закрепленным в статье 50 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

Одновременно в запросе отмечается наличие правовой неопределенности, связанной с вопросами исполнения административного и уголовного наказаний в виде лишения права управления транспортными средствами (лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью), налагаемых за одни и те же действия (бездействие). Так, поскольку санкции части 1 статьи 12.24 КоАП Российской Федерации и части третьей статьи 264 УК Российской Федерации в качестве меры (вида) наказания предусматривают возможность назначения лишения права управления транспортными средствами, то остается неясным, допускается ли их поглощение друг другом и как организационно эти наказания могут быть исполнены.

1.2. Как следует из статей 74, 101 и 102 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации по запросам судов проверяет конституционность оспариваемых нормативных положений в порядке конкретного нормоконтроля в той части, в какой они подлежат, по

мнению суда, применению в рассматриваемом им конкретном деле, и принимает постановление только по предмету, указанному в обращении, оценивая как буквальный смысл проверяемых нормативных положений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием, в том числе в решениях по конкретному делу, или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм, не будучи связанным при принятии решения основаниями и доводами, изложенными в запросе.

Ивановский районный суд Ивановской области усматривает неконституционность оспариваемых законоположений в том, что в случае привлечения И. за одни и те же действия к административной ответственности по части 1 статьи 12.24 КоАП Российской Федерации и назначения ему административного наказания в виде лишения права управления транспортными средствами и последующего осуждения его по части третьей статьи 264 УК Российской Федерации с назначением уголовного наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью (лишения права управления транспортными средствами) складывается правовая неопределенность относительно исполнения назначенных наказаний, в частности допустимости их поглощения друг другом, что – в отличие от статьи 69 УК Российской Федерации, предусматривающей в случаях назначения наказания по совокупности преступлений при наличии определенных условий возможность поглощения менее строгого наказания более строгим, – расходится с принципами правового государства, справедливости и равенства всех перед законом и судом (статьи 1, 18 и 19 Конституции Российской Федерации).

Между тем, обращаясь ранее к вопросу соотношения административного и уголовного наказаний в виде лишения права управления транспортными средствами, Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 8 апреля 2021 года № 600-О указал, что, хотя административная и уголовная ответственность, будучи разновидностями государственного принуждения, имеют схожие задачи, базируются на

рядоположенных принципах, преследуют общую цель защиты прав и свобод человека и гражданина и фактически во многом дополняют друг друга, данное обстоятельство вовсе не предполагает однотипного законодательного регулирования этих двух видов ответственности, в том числе в отношении вопросов, касающихся системы административных и уголовных наказаний, включая правила их исполнения. В силу этого отраслевая дифференциация правового регулирования, даже если она сопряжена с установлением применительно к отдельным видам административных наказаний более строгих – в сравнении с сопоставимыми уголовными санкциями – самостоятельных правил, не может свидетельствовать о нарушении конституционных принципов и норм, тем более что строгость таких правил компенсируется существенным различием юридических последствий привлечения физических лиц к административной и уголовной ответственности.

Данный вывод находит подтверждение и в пункте 31 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 года № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». В нем, в частности, обращено внимание на то, что сроки назначенного административного наказания в виде лишения права управления транспортными средствами и уголовного наказания в виде лишения права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами исчисляются самостоятельно.

Конституционный Суд Российской Федерации также полагает, что в части, касающейся проверки конституционности правил исполнения административного и уголовного наказаний в виде лишения права управления транспортными средствами, запрос Ивановского районного суда Ивановской области не отвечает требованиям допустимости, поскольку фактически предполагает проверку оспариваемых законоположений в порядке абстрактного нормоконтроля, так как предусмотренные частью

третьей статьи 264 УК Российской Федерации санкции не подлежат применению при осуществлении производства по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 12.24 КоАП Российской Федерации.

Следовательно, проверка конституционности оспариваемых в запросе законоположений в указанной части не может быть предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации в данном деле, а потому в соответствии с пунктом 2 части первой статьи 43 и частью первой статьи 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» производство по нему в обозначенном аспекте подлежит прекращению.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются часть 1 статьи 12.24 и пункт 7 части 1 статьи 24.5 КоАП Российской Федерации во взаимосвязи с частью третьей статьи 264 УК Российской Федерации в той мере, в какой на их основании решается вопрос о возможности прекращения производства по делу об административном правонарушении, связанному с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортного средства, повлекшим причинение легкого вреда здоровью потерпевшего, в случае наличия по одному и тому же факту совершения противоправных действий (бездействия) лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, постановления о возбуждении уголовного дела, поскольку эти действия (бездействие) повлекли по неосторожности смерть другого человека.

2. Конституционный Суд Российской Федерации, раскрывая природу публичной ответственности и опираясь на положения статей 1 (часть 1), 2, 15 (часть 2), 18, 19 (части 1 и 2), 49, 50 (часть 1), 54 (часть 2), 55 (часть 3), 71 (пункты «а», «в», «м», «о»), 72 (пункты «б», «к» части 1) и 76 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, традиционно подчеркивал, что в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности, правопорядка,

государственной и общественной безопасности, обороны страны, а также в иных конституционно значимых целях законодатель не только вправе, но и обязан использовать все доступные – в рамках предоставленных ему дискреционных полномочий – средства государственного принуждения, включая административную и уголовную ответственность, руководствуясь при этом общими принципами, которые имеют универсальное значение и по своей сути относятся к отправным началам конституционного правопорядка (постановления от 14 февраля 2013 года № 4-П, от 14 июля 2015 года № 20-П, от 14 июня 2018 года № 23-П, от 14 апреля 2020 года № 17-П, от 21 июля 2021 года № 39-П, от 17 мая 2022 года № 19-П и др.).

Одним из таких принципов является требование недопустимости повторного осуждения за одно и то же преступление, получившее закрепление в статье 50 (часть 1) Конституции Российской Федерации, корреспондирующей пункту 7 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которому никто не должен быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом каждой страны.

Принцип *non bis in idem* – в его конституционно-правовой интерпретации, учитывающей отправные положения Уголовного кодекса Российской Федерации, в частности содержащиеся в его статьях 3, 5, 6, 8 и 14, – означает, что уголовным законом должна быть исключена возможность повторного осуждения и наказания лица за одно и то же преступление, квалификации одного и того же преступного события по нескольким статьям уголовного закона, если содержащиеся в них нормы соотносятся между собой как общая и специальная или как целое и часть, а также двойного учета одного и того же обстоятельства (судимости, совершения преступления лицом, ранее совершившим преступление) одновременно при квалификации содеянного и при определении вида и меры ответственности. Повторное привлечение лица к одному и тому же виду ответственности за одно и то же деяние, вопреки принципу *non bis in idem*, приводило бы к ответственности

без правонарушения, что недопустимо в правовом государстве (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21 марта 2013 года № 6-П, от 10 февраля 2017 года № 2-П, от 17 мая 2023 года № 24-П и др.).

Данный принцип, согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, имеет общее значение и в виде нормативной конкретизации общепризнанного принципа справедливости, направленной на поддержание правовой определенности и стабильности, распространяется на законодательство об административных правонарушениях, тем более что разграничение административной и уголовной ответственности имеет относительный (условный) характер, вследствие которого санкции за любое деяние, если они обладают карательным эффектом, должны подпадать под гарантии уголовного преследования (постановления от 17 июля 2002 года № 13-П, от 14 февраля 2013 года № 4-П, от 21 марта 2013 года № 6-П, от 14 июля 2015 года № 20-П, от 10 февраля 2017 года № 2-П, от 14 июня 2018 года № 23-П, от 4 февраля 2019 года № 8-П, от 20 октября 2022 года № 45-П и др.).

2.1. Регулирование административной и уголовной ответственности в области дорожного движения, исходя из присущих транспортным средствам свойств источника повышенной опасности и связанных с ними рисков, должно обеспечивать в соответствующих отношениях соразмерную охрану таких приоритетных конституционных ценностей, как жизнь и здоровье людей (статьи 7 и 18; статья 20, часть 1; статья 41, часть 1; статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации). Отсутствие правового регулирования, адекватного по своему содержанию и предусмотренным мерам противоправному поведению, угрожающему жизни и здоровью граждан, означало бы устранение государства от исполнения его важнейшей конституционной обязанности и, по сути, приводило бы к ее игнорированию (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2020 года № 49-П и от 13 декабря 2022 года № 54-П).

Закрепляя основания, условия и порядок привлечения к административной и уголовной ответственности, законодательная власть должна исходить из того, что она может наступать только за те деяния (действия, бездействие), которые законом, действующим на момент их совершения, признаются административными правонарушениями или преступлениями. Наличие состава правонарушения является необходимым основанием для всех видов юридической ответственности, а законодательное описание его признаков, как и нормативная модель конкретных составов правонарушений, должно согласовываться с конституционными принципами демократического правового государства, включая требование справедливости, в его взаимоотношениях с физическими и юридическими лицами как субъектами ответственности и разумно соотноситься с причиненным вредом. Это предполагает, что действия (бездействие) не могут быть основанием ответственности, даже если в них есть признаки противоправности, пока и если они не описаны как состав правонарушения и не запрещены в надлежащем законе.

Формулируя составы правонарушений и меры ответственности за их совершение, законодательная власть связана вытекающими из статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации критериями необходимости, пропорциональности и соразмерности ограничения прав и свобод граждан, а также обязана соблюдать гарантированное статьей 19 (часть 1) Конституции Российской Федерации равенство всех перед законом, означающее, что любое правонарушение, как и санкции за его совершение, должно быть четко определено в законе, причем таким образом, чтобы исходя непосредственно из текста соответствующей нормы – в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, – каждый мог предвидеть правовые последствия своих действий (бездействия). В противном случае может иметь место противоречивая правоприменительная практика, дискредитирующая гарантии государственной защиты прав, свобод и законных интересов граждан (физических лиц) от произвольного преследования и наказания (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая

2008 года № 8-П, от 13 июля 2010 года № 15-П, от 16 июля 2015 года № 22-П, от 6 ноября 2024 года № 50-П, от 17 июля 2025 года № 29-П и др.).

2.2. Возможность альтернативного подхода к использованию административной и уголовной ответственности для борьбы с теми или иными правонарушениями, в том числе в области дорожного движения, обусловлена единством публично-правовой природы данных двух видов ответственности, что находит соответствующее подтверждение как в административно-деликтном (статьи 2.1, 2.10, 5.16, 12.8 и др. КоАП Российской Федерации), так и уголовном законодательстве (статьи 14, 17, 43, 158, 194 и др. УК Российской Федерации). Именно этим объясняется закрепление в отраслевом законодательстве смежных составов административных правонарушений и преступлений, которые, несмотря на наличие у них общих (идентичных) признаков, являются нормативными основаниями административной либо уголовной ответственности, что не исключает допустимости преобразования отдельных составов административных правонарушений в составы преступлений и наоборот (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 года № 20-П).

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что уголовное законодательство является крайним (исключительным) средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена должным образом с помощью норм иной отраслевой принадлежности, включая законодательство об административных правонарушениях. Уголовная ответственность может считаться законно установленной лишь при условии, что она соразмерна характеру и степени общественной опасности криминализируемого противоправного деяния. Вводя уголовную ответственность, федеральный законодатель обязан избегать избыточного использования уголовно-правовой репрессии, помня о том, что основанием преступности противоправных деяний могут служить лишь обстоятельства, в совокупности

подтверждающие криминальную степень их общественной опасности, в том числе масштаб распространенности и динамика роста таких деяний, значимость охраняемых законом ценностей, на которые они посягают, существенность причиняемого ими вреда, а также невозможность их преодоления с помощью иных средств (постановления от 27 июня 2005 года № 7-П, от 27 февраля 2020 года № 10-П, от 26 октября 2021 года № 45-П, от 19 февраля 2025 года № 8-П и др.).

Соответственно, поскольку и законодательство об административных правонарушениях, и уголовный закон последовательно разграничивают административную и уголовную ответственность, как и влекущие их наступление составы административных правонарушений и преступлений, то при совершении одного и того же противоправного деяния, подпадающего под признаки состава правонарушения, гражданин (физическое лицо) может быть привлечен только к административной или только к уголовной ответственности. Иное приводило бы к смешению административной и уголовной ответственности за конкретное деяние, что – вопреки характеру и степени его общественной опасности – не только вступало бы в прямое противоречие со статьями 50 (часть 1) и 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации, но и расходилось бы с принципами верховенства права, конституционной законности, неотвратимости и соразмерности ответственности, вытекающими из ее статей 4 (часть 2), 15 (части 1 и 2) и 55 (часть 3).

3. Часть 1 статьи 12.24 «Нарушение Правил дорожного движения или правил эксплуатации транспортного средства, повлекшее причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего» КоАП Российской Федерации в качестве обязательных признаков объективной стороны предусмотренного ею состава административного правонарушения указывает на нарушение водителем транспортного средства Правил дорожного движения или правил эксплуатации транспортного средства, наступление неблагоприятных последствий в виде причинения легкого вреда здоровью потерпевшего и причинно-следственную связь между данным нарушением и

наступившим вредом здоровью. При этом в пункте 1 примечаний к указанной статье специально оговаривается, что под причинением легкого вреда здоровью следует понимать кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности.

Устанавливая административную ответственность, федеральный законодатель в пределах доступной ему дискреции может по-разному, в зависимости от существа охраняемых общественных отношений, конструировать составы административных правонарушений и их отдельные элементы, в том числе определять такой элемент состава административного правонарушения, как объективная сторона. Принимая во внимание существенное влияние, которое могут оказывать на оценку общественной опасности административных правонарушений наступившие в результате их совершения негативные последствия, он вправе на основе разграничения формальных и материальных составов административных правонарушений дифференцировать описание признаков их объективной стороны в контексте причинения вреда охраняемому объекту (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 18 мая 2012 года № 12-П, от 14 февраля 2013 года № 4-П, от 8 апреля 2014 года № 10-П, от 10 февраля 2017 года № 2-П и др.).

Следовательно, нарушение водителем транспортного средства какого-либо из Правил дорожного движения или правил эксплуатации транспортного средства, повлекшее по неосторожности причинение легкого вреда здоровью потерпевшего, представляет собой (при наличии других составообразующих признаков) отдельное административно-противоправное деяние, которое необходимо отличать от аналогичных нарушений таких правил, охватываемых иными составами – как формальными, так и материальными – административных правонарушений и преступлений, а также от умышленного причинения легкого вреда здоровью, ответственность за которое предусмотрена статьей 115 УК Российской Федерации.

3.1. В соответствии с частью третьей статьи 264 УК Российской Федерации нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо

другим механическим средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности смерть человека, является противоправным деянием, образующим состав преступления. Из приведенной нормы вытекает, что конструкция предусмотренного ею состава преступления, учитывая особую ценность гарантированного каждому права на жизнь, является материальной и в качестве обязательного признака объективной стороны включает причинение по неосторожности смерти человеку. Без установления соответствующего последствия – наряду с правоприменительной констатацией других законодательных признаков состава правонарушения – невозможна уголовно-правовая квалификация такого деяния и, в частности, решение вопроса о том, является ли оно преступлением, отличающимся наступлением соответствующих общественно опасных последствий при неосторожной форме вины (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2015 года № 7-П, от 18 января 2024 года № 2-П, от 19 февраля 2025 года № 8-П и др.).

Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 10 февраля 2017 года № 2-П, криминализация тех или иных правонарушений, неразрывно связанная с конструированием состава преступления, системообразующими элементами которого являются объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона, не предполагает обязательного наличия признаков преступной общественной опасности у каждого из них, – такие признаки могут отражать не все, а лишь отдельные элементы состава преступления. Так, например, общественная опасность деяния может быть обусловлена кумулятивным эффектом противоправного посягательства на охраняемые общественные отношения (объект преступления), временем, местом, способом его совершения и наступившими последствиями, в том числе их масштабом (объективная сторона преступления), формой вины, мотивами и целями противоправных действий, бездействия (субъективная сторона преступления).

Одним из наиболее распространенных признаков, свидетельствующих о повышенной общественной опасности преступлений, является указание в уголовном законе на тяжкие последствия действий (бездействия), характеризующих объективную сторону состава преступления, что согласуется со статьей 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, предусматривающей, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Во всяком случае наличие в Уголовном кодексе Российской Федерации соответствующих норм (статьи 109, 126, 143, 146, 158, 167, 176, 185, 194, 201, 217 и др.) позволяет заключить, что при установлении уголовной ответственности нельзя не учитывать вызываемые совершением противоправных действий (бездействия) существенные последствия (вред здоровью, значительный или крупный ущерб и т.п.), свидетельствующие об обоснованности применения за такие деяния уголовного принуждения.

Следовательно, федеральный законодатель полномочен прибегать к уголовной ответственности в целях надлежащей юридической защиты конституционно значимых ценностей, включая гарантированное каждому право на жизнь (статья 2; статья 20, часть 1; статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации), и в тех случаях, когда нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств по неосторожности повлекло за собой наступление смерти человека.

3.2. Согласно части второй статьи 17 «Совокупность преступлений» УК Российской Федерации совокупностью преступлений может быть признано одно действие (бездействие), содержащее признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями названного Кодекса. Схожая норма получила закрепление в части 2 статьи 4.4 «Назначение административных наказаний за совершение нескольких административных правонарушений» КоАП Российской Федерации, устанавливающей правила назначения административных наказаний за совершение лицом, в отношении

которого ведется производство по делу об административном правонарушении, одного действия (бездействия), содержащего составы административных правонарушений, ответственность за которые предусмотрена двумя и более статьями (частями статей) этого Кодекса и рассмотрение дел о которых подведомственно одному и тому же судье, органу, должностному лицу.

Системный анализ указанных норм означает, что одни и те же действия (бездействие) одного и того же лица могут служить составообразующими признаками различных правонарушений. При этом не исключена ситуация, когда одни и те же действия (бездействие) не только образуют совокупность однородных (отраслевых) противоправных деяний, но и, будучи одновременно признаками объективной стороны составов административных правонарушений и преступлений, могут содержать нормативные основания и административной, и уголовной ответственности.

Не всякое нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, образующее состав правонарушения, предполагает обязательное наступление только административной или только уголовной ответственности. По крайней мере, когда одно и то же нарушение указанных правил обусловлено совершением одних и тех же действий (бездействия), это может, с учетом степени тяжести наступивших последствий и их множественности, повлечь привлечение виновного одновременно и к административной, и к уголовной ответственности, что не будет входить в противоречие с принципом справедливости и отступать от запрета двойного привлечения к публично-правовой ответственности за одно деяние.

Часть третья статьи 264 УК Российской Федерации и статья 12.24 КоАП Российской Федерации содержат, в конечном счете, описание разных правонарушений, которые хотя и имеют общий признак – нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, однако посягают на разные объекты (жизнь и здоровье), охватывают разные последствия (смерть и вред здоровью), не соотносятся между собой как часть и целое, а потому одно правонарушение не может поглощать другое.

Что касается нормативного содержания пункта 7 части 1 статьи 24.5 КоАП Российской Федерации, то важно иметь в виду соотношение данной нормы с общими положениями названного Кодекса, прежде всего с частью 5 его статьи 4.1, прямо устанавливающей применительно к общим правилам назначения административного наказания, что никто не может нести административную ответственность дважды за одно и то же административное правонарушение. По смыслу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в Постановлении от 17 мая 2023 года № 24-П, это, кроме прочего, не означает наличия в законодательстве об административных правонарушениях таких юридико-технических погрешностей (недостатков), которые порождают правовую неопределенность оспариваемых законоположений в контексте предмета настоящего дела, тем более что в статье 50 (часть 1) Конституции Российской Федерации недвусмысленно закрепляется недопустимость повторного осуждения за одно и то же преступление.

Таким образом, административное правонарушение, предусмотренное частью 1 статьи 12.24 КоАП Российской Федерации, и преступление, предусмотренное частью третьей статьи 264 УК Российской Федерации, – если их совершение было обусловлено одними и теми же действиями (бездействием) и выражалось в нарушении водителем одних и тех же правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств – не могут быть признаны одним и тем же противоправным деянием, поскольку их составы предполагают в качестве обязательного признака причинение легкого вреда здоровью потерпевшего, с одной стороны, и смерти иного лица – с другой.

При подобного рода обстоятельствах производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 12.24 КоАП Российской Федерации, не может быть прекращено в соответствии с пунктом 7 части 1 статьи 24.5 названного Кодекса, если по тому же факту совершения противоправных действий (бездействия), сопряженных с нарушением лицом, привлеченным к административной ответственности,

одних и тех же правил дорожного движения или эксплуатации транспортного средства, вынесено постановление о возбуждении уголовного дела по части третьей статьи 264 УК Российской Федерации.

3.3. Оценивая оспариваемые законоположения, нельзя не видеть и то, что в случае прекращения производства по делу об административном правонарушении лицу, которому нарушением правил дорожного движения и (или) эксплуатации транспортного средства был причинен легкий вред здоровью, создаются существенные затруднения в доказывании данного факта в случае его обращения в суд за возмещением причиненного вреда. И, хотя прекращение административно-деликтного производства не является преградой для установления в других процедурах виновности причинителя вреда в качестве основания для его привлечения к гражданской ответственности и не препятствует пострадавшему предъявлять требования о возмещении вреда в порядке гражданского судопроизводства, это не может освобождать публичную власть от полноценного и эффективного обеспечения доступа таких граждан к правосудию (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2009 года № 9-П, от 15 июля 2020 года № 36-П, от 3 октября 2024 года № 43-П и др.).

В силу части первой статьи 42 УПК Российской Федерации прекращение производства по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 12.24 КоАП Российской Федерации, в случае когда по факту тех же самых действий (бездействия) вынесено постановление о возбуждении уголовного дела по части третьей статьи 264 УК Российской Федерации, предполагало бы признание потерпевшим лишь родственника (родственников) лица, которому в результате нарушения правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств была причинена смерть. Об этом свидетельствует и пункт 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 года № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения»,

содержащий указание на то, что судам следует иметь в виду, что по смыслу части первой статьи 42 УПК Российской Федерации по уголовному делу о преступлении, предусмотренном статьей 264 УК Российской Федерации, не может быть признано потерпевшим лицо, которому в результате нарушения правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств по неосторожности причинен вред здоровью, не являющийся тяжким, или причинен лишь материальный ущерб (абзац третий).

Отсутствие у лица, которому нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортного средства причинен легкий вред здоровью, статуса потерпевшего от административного правонарушения в случае прекращения производства по делу об административном правонарушении, детерминированного тем, что это же нарушение (действия, бездействие) повлекло возбуждение уголовного дела по части третьей статьи 264 УК Российской Федерации, не лишает пострадавшего от указанных действий (бездействия), изначально подпадавших под признаки административного правонарушения, возможности требовать возмещения причиненного вреда здоровью посредством предъявления гражданского иска по возбужденному уголовному делу.

Вместе с тем прекращение производства по делу об административном правонарушении, мотивированное исключительно возбуждением уголовного дела по факту совершения одних и тех же действий (бездействия) одним и тем же лицом, не исключает последующего прекращения производства по уголовному делу по нереабилитирующим обстоятельствам, предполагающего оставление гражданского иска без рассмотрения с сохранением за истцом права на предъявление иска в порядке гражданского судопроизводства (пункт 30 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 года № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу»). Соответственно, такое «двойное» прекращение производства по делу об административном правонарушении и производства по уголовному делу существенно осложняло бы возмещение ущерба лицу, которому нарушением

правил дорожного движения и эксплуатации транспортного средства был причинен легкий вред здоровью, и расходилось бы с установленными статьями 2, 18, 46 (части 1 и 2) и 52 Конституции Российской Федерации обязанностями государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы граждан, а также обеспечивать им доступ к правосудию и компенсацию ущерба, причиненного деянием, запрещенным законом.

Суммируя изложенное, Конституционный Суд Российской Федерации полагает, что часть 1 статьи 12.24 и пункт 7 части 1 статьи 24.5 КоАП Российской Федерации во взаимосвязи с частью третьей статьи 264 УК Российской Федерации не противоречат Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не предполагают прекращения производства по делу об административном правонарушении, связанному с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортного средства, повлекшим причинение легкого вреда здоровью потерпевшего, в случае наличия по одному и тому же факту совершения противоправных действий (бездействия) лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, постановления о возбуждении уголовного дела, поскольку эти действия (бездействие) повлекли по неосторожности смерть другого человека.

Придание оспариваемым законоположениям иного значения было бы несовместимо с конституционными принципами государственной защиты прав и свобод человека и гражданина, справедливости, неотвратимости и соразмерности ответственности, а также искажало бы суть конституционного запрета двойного привлечения к административной и уголовной ответственности за одно и то же противоправное деяние (административное правонарушение, преступление).

Исходя из этого и руководствуясь статьями 6, 47¹, 68, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать часть 1 статьи 12.24 и пункт 7 части 1 статьи 24.5 КоАП Российской Федерации во взаимосвязи с частью третьей статьи 264 УК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они не предполагают прекращения производства по делу об административном правонарушении, связанному с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортного средства, повлекшим причинение легкого вреда здоровью потерпевшего, в случае наличия по одному и тому же факту совершения противоправных действий (бездействия) лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, постановления о возбуждении уголовного дела, поскольку эти действия (бездействие) повлекли по неосторожности смерть другого человека.

2. Выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл части 1 статьи 12.24 и пункта 7 части 1 статьи 24.5 КоАП Российской Федерации во взаимосвязи с частью третьей статьи 264 УК Российской Федерации является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Прекратить производство по настоящему делу в части, касающейся проверки конституционности части 1 статьи 12.24 КоАП Российской Федерации и части третьей статьи 264 УК Российской Федерации применительно к правилам исполнения административного и уголовного наказаний в виде лишения права управления транспортными средствами.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

№ 38-П

Конституционный Суд
Российской Федерации